

ФИЛОСОФИЯ

Бутенко Татьяна Александровна

старший следователь по ОВД

ГСУ ГУ МВД России по Ставропольскому краю

г. Ставрополь, Ставропольский край

АКТУАЛИЗАЦИЯ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация: в статье обосновывается значимость исследований этнических менталитетов для современного общества, в котором ярко проявляется тенденция к универсализации социальной жизни, воплощающаяся в массовой культуре и либеральной экономике на фоне парадоксального роста тенденции к уникализации жизнедеятельности общества, сопровождающегося стремлением к возрождению национальной самобытности.

Ключевые слова: этнический менталитет, глобализация, социокультурные традиции, общественные новации, самоидентификация, общественное самосознание.

В современной социо–гуманитарной литературе существует множество разноаспектных дефиниций этнического менталитета, и наиболее точной, охватывающей все стороны данного феномена, однако, вместе с тем, и малосодержательной (здесь сказывается логический закон – чем шире понятие, тем менее содержательно его определение), на наш взгляд, является дефиниция, характеризующая этнический менталитет как совокупность наиболее устойчивых образов не просто мышления, но мыследействий. Акцентуация не только на мысли, но и на действии здесь не случайна, ведь достаточно давно подмечена корреляция наших мыслей и поступков (святитель Григорий Нисский: «Скажу так: три характеристических принадлежности жизни христианина: действие, слово, образ мыслей. Началом всякого слова служит мысль; второе же место после образа мыслей за-

нимает слово, выражающее звуком напечатленную в душе мысль; третье же место после ума и слова принадлежит деятельности, которая мыслимое переводит в дело» [2, с. 47]; нетрудно найти и более ранние подтверждения этого тезиса).

Таким образом, этнический менталитет обуславливает не только стереотипное мышление, характерное для представителей того или иного народа, но и свойственные ему образы действия, соотносящиеся с формируемым коллективным мышлением специфическим мировоззрением. При таком подходе нет особой необходимости доказывать значимость константно–традиционного менталитета (уточним: константность эта не абсолютная, но относительная, изменяемая во времени, и при этом сохраняющая преемственность) для трансформирующихся в социально–историческом процессе общественных реалий. Пусть даже на них воздействует множество социокультурных новаций или привнесенных извне общественных феноменов, эти реалии посредством ментальных связей не будут терять связь со своими традиционными основаниями, если только новации и заимствования не внедряются путем насильственного разрушения традиционных устоев и глубокого «перепаживания» воспитательно–образовательного поля, чему в российской истории есть подтверждения. Однако даже после семидесятилетнего подобного социального эксперимента мы, тем не менее, наблюдаем сегодня возрождение российского менталитета, хотя уже и на несколько ином качественном уровне. Поэтому нельзя не согласиться с тем, что: «Современные российские реалии настоятельно требуют пересмотра отношения к отечественной ментальности, не изменившейся кардинально, однако приобретшей некоторые новые черты вследствие исторических метаморфоз» [1, с. 92].

Этот пересмотр необходим, поскольку тщательные и принципиальные исследования, посвященные специфике российского менталитета, позволят решить множество проблем, накопившихся в нашем обществе за последние десятилетия – и политических, и культурных, и экономических. Ведь исходя из того, что к исследованию общественной жизни российского народа, да и любого другого, нельзя подходить с якобы универсальными схемами и стандартными социальными законами, мы совершенно иначе будем осмысливать эту жизнь, избегая

применения к ней линейно–прогрессистских историософских штампов и калькирования чужого образа жизни, т. е. устоявшихся образов действия, основывающихся на стереотипных образах мышления. Заменить совокупность образов мыследействий любого народа (этнический менталитет), скопировав их в понравившейся теоретикам социокультурной ситуации, исторически сформировавшейся в других условиях, просто невозможно. И потому, если конкретное общество действительно нуждается в реформировании, то при проведении последнего следует учитывать возможность не только заимствования какой–либо социокультурной модели, но, что важнее – возможность ее адаптации применительно к «местной» социокультурной почве, что, к сожалению, далеко не всегда учитывается реформаторами, даже если они искренно желают блага родной стране.

Скрупулезное исследование российского менталитета позволит также решить частную, но от этого не менее важную проблему влияния изменений этноментальных характеристик на процессы самоидентификации нашего народа. Особенно эта проблема актуализируется в контексте нарастания глобализационных процессов. Логически очевидно, что современная глобализация, основанная на универсализации экономической, политической, социокультурной жизни, вступает в открытое противоречие со свойственными всякому народу уникальными ментальными чертами, позволяющими им обособиться, почувствовать себя самобытными, идентифицировать себя, что возможно лишь при наличии четко определенных отличий от «других». Потому–то теоретики и практики осуществляющегося в современности глобализационного проекта так активно настаивают на нивелировании различных культур, на подведении их под «общий знаменатель» массовой культуры и якобы либеральной экономики. Однако живая социальная действительность не желает подводиться под этот знаменатель, и мы сегодня фиксируем в мире всплеск интереса к национальным культурам, возрождение государственных систем, основывающихся на национальном признаке (или фундирующих собственную суперэтничность). Этому способствует и то, что становится очевидным несовершенство и даже несостоятельность меж-

дународного права, неспособного защитить слабое в военном отношении государство. Международная политика по–прежнему основывается на праве сильного в борьбе за существование, за ресурсы, за «место под солнцем». Идиллия «всеобщего мира» сегодня так и остается идиллией, и мир поддерживается лишь технической мощью государств и «духом народов», в которых каждая личность идентифицирует себя по отношению к определенным социокультурной почве, истории, менталитету.

Итак, невзирая на воплощение в современной социальной реальности тенденции к универсализации общественной жизни, воплощение, обуславливающееся стремительным ростом коммуникаций, развитием техники и технологий, явно проявляется и противоположная тенденция – тенденция к уникализации этой жизни, опосредующая акцентуацию на самобытном характере народов, специфике их менталитетов. Причем уникализация социальной жизни народов происходит на фоне сохраняющейся универсализации, поэтому говорить о дифференциации культур в отношении мирового сообщества не совсем верно, хотя и фактов, подтверждающих это, достаточно. Гораздо разумнее будет подумать о возможности интеграции культур при сохранении их уникальных черт, а не при подведении культур под общий знаменатель. Этому может способствовать, опять же, внимательное отношение к конкретно–историческим этническим менталитетам, исследование их специфики и нахождение общего, общечеловеческого во всяком особенном менталитете.

В российской социальной философии, как дореволюционной, так и постсоветской, накоплен богатый опыт такого рода исследований, открывающий широкую перспективу для осмысления этнической самобытности, обусловленной, прежде всего, специфическим общественным самосознанием.

Список литературы

1. Лагунов, А. А. Русская религиозная философия в контексте социальных реалий современного мира [Текст]: монография / А. А. Лагунов. – Ставрополь: ГОУВПО «СевКавГТУ», 2007. – 321 с.

2. Святитель Григорий Нисский. Избранные творения [Текст]. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2007. – 384 с.